

СЛОВО О ШЕКСПИРЕ

ВЕЛИЧАЙШИЙ драматург мира... В его трудах люди ощущают неслышимый разум, породивший бесмертные образы, в его творениях нас поражают глубочайшие мысли, влечет гуманизм души и сердца, покоряет дивный, благоуханный язык поэта-реалиста. Речь у иных его персонажей сурова и мужественна, у других — нежна, как вешний ветерок, но всегда величава и необыкновенно красочна. Даже словосочетание, образующее его фамилию, — «Потрясатель копья» невольно заставляет задуматься.

Копье, которым он потрясает вот уже три с половиною века, попадая все более метко в цель, — это его Мысль, его Слово — острое, до предела отточенное, опаляющее своим огнем души миллионов людей.

Драматург жил и творил в пору широкого интеллектуального движения, известного под именем Ренессанса или Возрождения, охватившего собою передовые круги Англии несколько позже, чем это произошло в странах европейского континента. Средневековые схоласты, церковные догматики, защитники тьмы, ревнители феодализма ненавидели новое, цеплялись за отживающее. Между тем тяжелые узы, наложенные «дьяволами невежества» на человеческую мысль, стали медленно, но верно разрушаться. Все яснее проступала ржавчина на этих цепях. А драматург, приехавший в шумный Лондон из далекого провинциального тихого Стретфорда, не оставался в стороне от живых процессов истории.

Его слово действительно поражающе подобно копы, пущенному при утренних лучах солнца прямо в сердцевину феодального муравейника. Зашевелилась нечисть, зашипела и застонала всяческая чертовщина. Все эти лорды и бароны, обгремененные кровью непокорных рабов, все эти дикие, безграмотные, самонадеянные властители замков, раздиравшие островную землю на части, как волки — добычу, уже в исторических хрониках вышли на сцену именно, как хищники, неутолимо жаждущие власти. В пустынных и угрюмых покоях метался из угла в угол коронованный горбун — убийца детей, грубоватый и неуклюжий дегустатор людской крови. А за этим извергом и душегубом, затянутым в парчу, уже угадывался в отдалении злобеший Макбет.

Читая исторические хроники, мы невольно обращаем внимание на одну важную особенность: не сладостные мадригалы, не канцоны, трепетно положенные на музыку, а грубые звуки военных труб оглашают воздух; честь уступает место предательству; преступление сделалось обычным проявлением черных интриг; повсюду — разорение, везде грабят, убивают, жгут, насилуют... Вонь от тлеющих костров, изуродованные трупы, ледяная будничность произвола... Все против всех... При таком зверином бытии государственной и церковной «закон» безжалостно отнимает все права у большинства людей, вовлеченных в водоворот войн Алой и Белой розы.

Ужасом, отвращением к злодея-

ниям проникнута и такая ранняя трагедия, как «Тит Андроник». Заново перепахивая почву, когда-то вспаханную предшественниками, драматург отчетливо выражает вения современной ему действительности, идеалы своего века. Негодование против бесчеловечности — вот существо нашего восприятия его пьес.

Хроники, комедии, трагедии, поэмы, сонеты, драмы, трагикомедии — все ярче, все сильнее разгорается неугасимое пламя творчества, все проблемнее, все глубже становится идейно-художественный процесс, и вот вслед за «Венерой и Адонисом» пишется «Укрощение строптивой», вслед за «Лукрецией» уже идет работа над «Двумя веронцами» и «Сном в летнюю ночь».

В мире комедий не надо потрясать копьём, здесь скорее понадобятся меткие сатирические стрелы, здесь много простора для фантазии, для резвой шутки, для легкого юмора. Есть, как говорят, тут и веселье ради веселья. Есть забавные проделки персонажей, как будто лишенные смысла. Но главное в «Двух веронцах» — мысль о верности в любви и в дружбе. А в «Сне» — вызов всему старому, обветшавшему. И сколько причудливой игры на празднике чувств!

Но наряду с эпикурейской жизнерадостностью в окружающем драматурга мире дает себя знать безмерная суровость, тут же в гармоничную мелодию влетает ханжеская, визгливая нота, надменное упрямство и сумрачная, гнетущая

тоска; хочешь или не хочешь, вторгаются они в яркий танец и милое, душевное пение. О каменный забор, который вывел между радостью и фальшивым фарисейством пуританин Мальволио,* разбивается любое веселье. Благодушная снисходительность невозможна во время боя. Темная, злая судьба опускает свои черные крылья над Ромео и Юлией. Реализм хищной родовой распри Монтеки и Капулетти оборачивается поистине кровавой балладой. Гениальный трагик становится на место меткого остролиста. Безвременная гибель юных сердец («Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте») — это месть средневекового мрачного Молоха. Не сразу можно отряхнуть ядовитую пыль веков, отряхнуть все, что уходит в лету от молодой и пока еще здоровой истории, но уходит, скрежеща зубами, напав на себя маску христианского благочестия и наноса из-за угла самые коварные удары. Однако, спустя горы времени, советский театр, на подмостках которого величайший драматург обрел вторую отчизну, блистательно доказал: хотя Ромео и Юлия и погибли физически, они погибли моральными победителями, именно они победили нравственно, а не тот, кто сразил их ржавым мечом.

Настоящий человек предпочитает жалкой жизни мужественную, от-

важную смерть, смерть-вызов. Ромео и Юлия своей жизнью и своей гибелью показали и утвердили победу над царством феодального застоя и мрака, над кровавой местью, над военными раздорами, над сверканием клинков в ночи. Трагедия становится проблемной. Герои ее — дыхание молодой современности, угаданной зорким гением.

Затем ясный и светлый гений обращается к Шейлоку и клеймит отвратительное ростовщичество. Художник препарирует характер Шейлока, стремясь к широкому и вольному исследованию человеческой природы, что было особенно отмечено при анализе «Венецианского купца» великим Пушкиным. Тени и свет! Шейлока сменяет Фальстаф, веселый и ненасытный сэр Джон Фальстаф; его образ неотъемлем от утверждения идеи абсолютистского государства в исторической драме «Генрих IV» и от бравады влюбленности в бессмертной комедии «Виндзорские насмешницы», чей пульс и кровообращение схожи с кипением виноградного сока, с будоражающей силой молодости.

Но и в комедиях — этих великолепных карнавалах смеха — не все развлекает, многое в них весьма серьезно. Такова линия злой судьбы Анджело в комедии «Мера за

(Окончание на 4-й стр.).

«ГОРЬКОВСКАЯ ПРАВДА»

17 апреля 1964 г.

3 стр.

* Из «12-й ночи», написанной позднее.

СЛОВО О ШЕКСПИРЕ

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

меру», история несчастий Геро в пьесе «Много шума из ничего», исповедь одинокого Жака («Весь мир — театр. В нем женщины, мужчины — все актеры. У них свои есть выходы, уходы. И каждый не одну играет роль») в комедии «Как вам это понравится».

С неотразимой ясностью видим мы шестие художника на вершину трагического в современной ему действительности. Мы видим Юлию Цезаря, Гамлета, Отелло, Короля Лира, Макбета. Крут подъем, неукротимы натуры героев... Нет благословенной тишины. Нет и грустного мерцания нежных звезд. Всплески молний бороздят черное небо. Мы слышим предсмертные вопли и всхлипы умирающих.

И вместе с тем...

Художник раскрыл в «Юлии Цезаре» трагедию современных ему народных масс, показал незрелость сознания народа. В этой трагедии народ обманут Антонием, демагогом и льстецом. Народ здесь не понял республиканца Брута, не оценил его разум...

Художник сделал жизнь Гамлета жизнью каждого из нас. Она, эта жизнь, раскрыта со всей возможной полнотой. В «Гамлете» говорится: «Сам океан, границы переклынув, так яростно не пожирает землю», как восставший на тиранов народ сметаёт все враждебное со своего пути. Гамлета, а не Лазрта, народ любит...

Темнокожий Отелло светел душой. Его чистые помыслы разби-

ваются об острые камни реальности грязного Яго. Старец Лир отрекся от короны, казалось бы, обрел человеческое, но остался лишь одиноким и отверженным в голой ночной пустыне. Ужасны испытания, выпавшие на его долю, зачем человеку страдать так много?..

Страшная пляска ведьм предрекает судьбу Макбета. Честный полководец стал преступником. К трону он пробирается по кровавой волчьей тропе, и сердце каменеет. Леди Макбет признается, что на этой тропе ради зверской цели она могла бы оторвать от своей груди собственного младенца и разбить ему голову.

Да, ужасно зло, овладевающее человеческой душой. Но оно не может победить Человека. Общество, народ встают против злодейства. Вся страна поднимается на Макбета и его жену. И карает их. Приходит и торжествует возмездие, побеждает правда.

...Мы живем в революционную эпоху, боремся за коммунистический идеал, утверждаем его в самой действительности, приближаем день завтрашний. Многие отделяет нас от Шекспира. Но многое и роднит нас с этим светочем человечества!

Нам близок Шекспир — создатель полнокровных, активных, ярких характеров, образов свободолюбивых людей. Ромен Роллан так говорит о свободолюбии Шекспира, предшественника английской революции: «Шекспир, творчество которого отражает все содрогания мира, порой улавливал в них отдаленные раскаты революций». По словам Эн-

гельса, Шекспир — титан мысли. Маркс пояснил глубину этой (шекспировой) мысли на примере Тимоона Афинского.

Театр Шекспира — не забава, а школа. Школа драматургов и школа для народа. Гамлет утверждает: смысл и цель драматического искусства в том, чтобы «держаться, так сказать, зеркало перед природой; показывать добродетели и собственные черты, тому, что достойно презрения, — его собственный образ, а самому возрасту и телу века — его внешность и отпечаток».

Таково искусство! А наука?

В центре последней шекспировской пьесы «Буря» стоит образ миланского герцога Просперо, ученого, гуманиста. Сосредоточившись в уединении на острове, проникая в глубину знания, он приобретает высшую мудрость, власть над природой, направленную на завоевание мира и счастья для Человека.

Просперо-ученый вызывает бурю, идет на грозу, чтобы, пройдя через нее, победить. Все темное, хаотическое отступает, исчезает. Но жить и творить надо не в одиночестве, не на голом острове, а в гуще людей, в обществе. Путь Просперо — смелое, честное движение сквозь конфликты и всяческие бури века. И он возвращается на родину, отплывает в Милан.

Шекспир верит в бесконечно великую силу разума. Верит!

...Величайший драматург мира... Так Шекспира назвал Алексей Максимович Горький.

Н. БАРСУКОВ.